

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕRPETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

UNIVERSITAS TARTUENSIS
HUMANIORA: LITTERAE RUSSICAE

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

VII

Новая серия

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Яан Росс. Из истории Тартуского университета конца XIX – начала XX вв. (эпизоды, связанные с исследованием музыки)	208
Мария Боровикова. О стихотворении Марины Цветаевой «Евреям» (1920)	228
Федор Винокуров. Вхождение в литературу романа Е. Замятина «Мы» (март 1921 – октябрь 1922)	242
Инна Башкирова, Роман Войтехович. «Два столба с перекладной»: мемуарная новелла Веры Инбер о гадании Марины Цветаевой	261
Ольга Мусаева. Федерико Гарсиа Лорка в советской периодике 1930-х гг.: особенности рецепции	272
Константин Поливанов. Об одной разновидности разностопного ямба в лирике Бориса Пастернака	290
Андрей Немзер. О стихотворении Давида Самойлова «Дезертир»	302
Вадим Семенов. «Это только для звука пространство всегда помеха...»: о механизмах релятивизации и семантизации метрики в стихотворениях И. Бродского	317
К изучению «идеологической географии»	
Любовь Киселева. Империя как пространство для национального строительства (на примере одного издания)	337
Инна Булкина. Политика Николая I в Юго-Западном крае и учреждение Университета Св. Владимира	360
Роман Лейбов. Из тютчевских «пророчеств»: «Русская география»	379
Татьяна Степанищева. «Русское пространство» в сборнике Вяземского «В дороге и дома»	394
Об авторах	413
Kokkuvõtted	417
Contents	430

«ЯКО АЗ НА РАНЫ ГОТОВ»: ПЕТР I НА ИКОНЕ ТАЛЛИННСКОГО НИКОЛЬСКОГО ХРАМА

ЕЛЕНА ПОГОСЯН,
МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА

В 2007 г. в журнале «Таллинн» появилась небольшая заметка об иконе начала XVIII в., которая хранится в Таллиннской Никольской церкви. Икона сильно пострадала от времени и была восстановлена художниками Николаем и Орестом Кормашовыми. Реставраторы назвали икону «Литургия Господня» и указали на ее уникальность: икона «звучит как ода Петру I» и имеет «как для историков, так и для искусствоведов абсолютную ценность» [Балашова: 66]. Тогда же Николай Кормашов в статье «Воскрешение образа» рассказал более подробно о процессе реставрации иконы [Кормашов: 8]¹.

Сюжет иконы не вполне традиционен². В центре иконы — Христос, он стоит в чаше, прислонив к левому плечу крест. На теле Христа (на руках, ногах и под правым ребром) изображены крестные раны, из которых струится кровь, так что чаша кажется наполненной кровью. Под ней расположен российский герб, равный по величине самой чаше. На гербе вместо традиционного щита помещено сердце со всадником, который пора-

¹ Первой попыткой авторов настоящей статьи интерпретировать икону стала публикация в журнале «Таллинн» [Погосян, Смержевских-Смирнова: 74–99]. Настоящая статья дополняет и уточняет эту первую публикацию.

² Авторы статьи выражают свою благодарность настоятелю Таллиннского Никольского храма протоиерею Олегу Вроне за разрешение на фотосъемку в храме, а также Игорю Корнееву за помощь в работе с иконой и в прочтении неразборчивых надписей на иконе.

жает копьём Шведского льва. С левой стороны³ Господу пред-
стоит группа святых: апостол Петр, держащий раскрытую
книгу, и за ним — св. Алексий, человек Божий; выше, над

³ Здесь и далее указания на левую и правую сторону иконы даны с точки зрения зрителя.

св. Петром изображен св. царевич Димитрий Московский, за которым стоят святые Елизавета, Анна и св. князь Александр Невский. С правой стороны расположена вторая группа святых: на переднем плане в царских одеждах изображены св. Екатерина (она расположена к чаше ближе всех), за ней св. Варвара, чуть выше — св. Параскева и св. Татиана, а в самом верхнем ряду этой группы — святые Марфа и Мария. У ног апостола Петра находятся лежащий на кресте камень (одной ногой Петр опирается на этот камень), на камне — церковь и два ключа, а у ног св. Екатерины — колесо и меч, символы ее мученической смерти. Рядом с камнем, под гербом изображен олень. Симметрично по обе стороны от Христа, над каждой из групп святых, на облаках восседают ангелы, которые держат в руках драгоценные венцы. Над ангелами еще один, высший ряд небожителей; слева от Бога-Отца — Богородица и архангел Михаил, а с правой стороны — св. Иоанн Предтеча и архангел Гавриил. На иконе размещены многочисленные надписи — цитаты из Священного Писания и литургических текстов. Надписи выполнены в редком для иконописи формате, характерном для гравюры этого периода: они начертаны на белых лентах, которые обрамляют изображения или протягиваются из уст того или иного персонажа на иконе. Кроме того, на нижнем поле иконы расположены вирши.

Композиция иконы повторяет евангельскую цитату, которую иконописец, чуть изменив, разместил по длине всего верхнего поля иконы: «Всяко колено поклонится небесных, земных и преисподних яко услыша имя Твое» («Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних», — Фил. 2: 10). Именно так, на трех уровнях — на небесах, на земле и в преисподней — изограф разместил изображения на иконе. Небесному уровню соответствуют все фигуры от Бога-Отца до ангелов; земному — святые, устроители земной церкви и мученики; а преисподнему — пронзенный копьём шведский лев, помещенный на Российском гербе вместо традиционного змея: его пасть обращена вверх и точно повторяет иконографию адского зева на изображениях Страшного суда. Все три уровня объединены центральной вертика-

люю иконы. Она начинается с фигуры Бога-Отца и переходит в его дыхание, из которого исходит голубь. Ниже ее продолжает фигура Иисуса, расположенная так, чтобы на вертикали оказалась рана от копья. Кровь из раны, продолжая эту линию, стекает сначала в чашу, а затем — на державного орла и сердце у него на груди.

Икона петровской эпохи — явление своеобразное. Во-первых, оно непосредственно связано с культурой русского барокко. О. Ю. Тарасов в своей книге «Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России» пишет о барочной иконе конца XVII – начала XVIII вв. как о «многослойной образной структуре, которая предполагает постепенное и медленное прочитывание». В отдельной главе Тарасов рассматривает такие особенности барочного иконописания, как включение виршей, эмблем и геральдики в сакральный образ, и отмечает, что «воспитанная вкусами барочной эпохи, вся эта сложная символика требовала от молящегося, конечно, знания и подготовки» [Тарасов: 338, 336–360, 344]. Во-вторых, именно при Петре I получает развитие феномен «гербовых икон» — икон, которые обязательно включали изображение двуглавого орла и были непосредственно посвящены тому или иному событию из сферы политического быта. М. М. Красилин, крупнейший знаток русской иконописи XVIII в., указывает:

В первые годы XVIII столетия наметились тенденции к поискам действительно нового изобразительного языка в иконописи. Их отличает несомненная связь с развивавшимся искусством конклюдии, подносных листов. Количество сохранившихся подобных произведений, в которых звучат петровские новации, крайне невелико. Их иконографические особенности не вошли повсеместно в церковную практику новой России скорее в силу своей изобразительной реакции на определенные события, преследующей более прославление царя земного, нежели царя небесного, и чрезмерной аллегорической и символической перегруженности. К ним можно отнести такие редчайшие памятники этой эпохи, как «Христос в чаше» — аллегория прославления побед Петра I в Ливонской войне (1711, Никольская церковь, Таллинн) и «Орел зря в Вышних Бога» Семена Иванова из Устюжны (1729, Национальный музей, Стокгольм) [Красилин 2002: 215].

Упоминание иконы Никольской церкви, которую Красилин называет «Христос в чаше», — одно из немногих в исследовательской литературе⁴. В целом же икона не была предметом специального исследования.

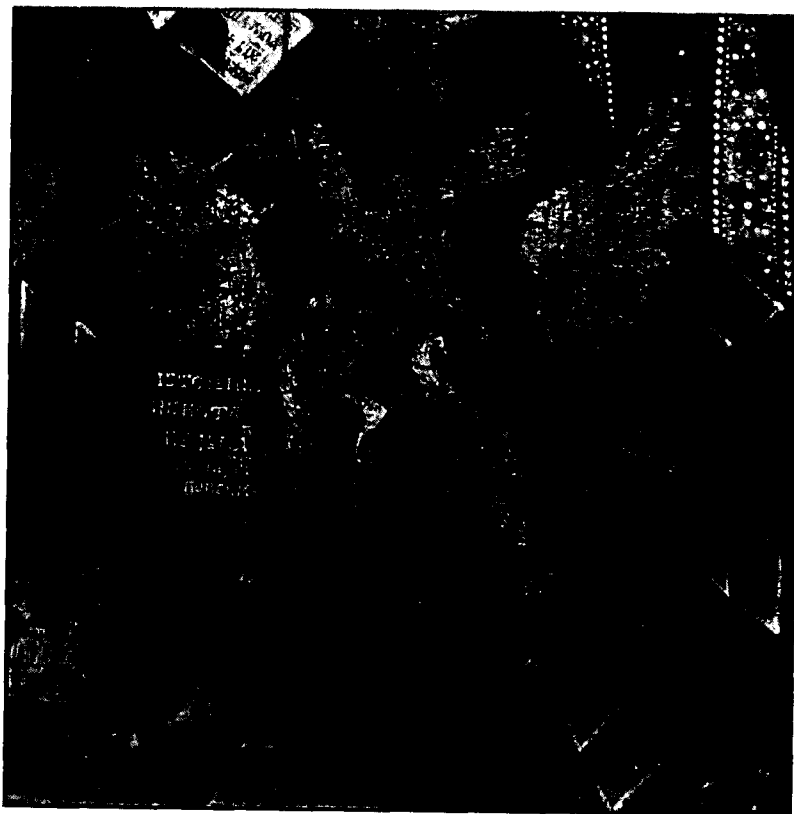
Изографы конца XVII – начала XVIII вв., как правило, подписывали свои работы, при этом часто указывали не только свое имя, но также время, место и обстоятельства написания иконы⁵. А по царскому указу 1711 г. предписывалось «на святых иконах подписывать год, месяц и число, в которой он степени, имя свое, и отчество, и прозвание подлинно» [Успенский Л. А.: 23]. На иконе Никольского храма также есть подпись, сохранившаяся, к сожалению, лишь частично. Как указал Н. Кормашов, в 1827 г. икона «подверглась основательной чинке», «к этому времени по всему периметру полей иконы были осыпаны и отслоены левкаса и утрачены год создания иконы и ее автор» [Кормашов: 8]. Тем не менее, используя сохранившиеся фрагменты надписей и учитывая сюжет иконы, можно сделать ряд предположений относительно истории ее создания.

На левом и правом поле иконы, в нижней их части указано:

<мучен?>ици	а совершился
<...>у>ия	<...>
<п>исань сей	месяца Д<ека>мври<я>
<в г>раде <i>ревеле</i>	в дар <...> <п>исаль
<по благослове>нию	изогра<ф> <...> ал <...>
<иере>я <i>петра</i>	<в?>ерх г <...>
<ар> <i>хаггаскаго</i>	

⁴ М. М. Красилин посвящает несколько абзацев иконе в Никольской церкви и в другом своем исследовании «Иконизация государственности» [Красилин 2001: 50–54]. Кроме того, со ссылкой на Красилина о ней очень кратко говорит А. С. Преображенский в статье, посвященной формированию иконографии св. царевича Димитрия Иоанновича Угличского [Преображенский: 141].

⁵ Многочисленные примеры таких подписей дает А. И. Успенский в своем фундаментальном труде «Царские иконописцы и живописцы XVII века» [Успенский А. И.: 187, 279 и проч.].

То есть икона была создана в Ревеле в декабре и при участии иерея Петра Архангельского. Кроме того, она была написана «в дар» и, как мы знаем, осталась в Ревельском храме св. Николая. По всей видимости, как дар храму она и была передана. Остановимся на этих сведениях подробнее.

Первый вопрос, который требует ответа, — кто такой Петр Архангельский? В опубликованных материалах высказано предположение, что это — епископ Архангельский: «образ написан в Ревеле, и что очень важно, по благословению епископа Архангельского» [Балашова: 65; Кормашов: 8]. Известно, однако, что в период 1682–1731 гг. епархия называлась «Хол-

могорской и Важской». В 1731 г. епархия была переименована в «Архангелогородскую и Холмогорскую» [Попов: 5, 13]⁶. Архиепископами же Архангельскими (до 1787 г.) назывались «приписные архиереи», которые служили в Архангельском соборе Кремля, «грузинские, греческие и русские владыки, которые не управляли епархиями, но обязаны были совершать заупокойные богослужения по царским прародителям, похороненным в соборе». Но между 1681-м и 1740-м гг. при соборе таких «приписных архиереев» не было. Архангельскими также назывались протопопы, являвшиеся настоятелями этого кремлевского собора. В период между 1691-м и 1723-м гг. здесь служил духовник Петра I Петр Васильев [Маштафаров: 494]. Можно с уверенностью утверждать, что именно по его благословению была написана икона.

Второй вопрос, на котором следует остановиться, — в декабре какого года икона была написана? Реставраторы предположили, что икона была создана «не позднее 1717 г., потому что в марте этого года была провозглашена царицей Екатериной⁷» [Балашова: 66]. М. М. Красилин указал на 1711 г. [Красилин 2002: 215]. Эта датировка кажется более вероятной. В самом деле, на иконе за спиной апостола Петра помещены, среди прочих фигур, св. Алексей Человек Божий, св. пророчица Анна и св. Елизавета. Это тезоименитые святые сына Петра от первого брака царевича Алексея, а также Елизаветы Петровны и Анны Петровны, дочерей Петра и Екатерины. 27 марта

⁶ Первым Архангелогородским и Холмогорским архиепископом был Герман (Копцевич): «2 мая 1731 г. Герман был хиротонисан в Московском Успенском соборе <...> и получил сан архиепископа и титул Архангелогородского и Холмогорского вместо прежнего титула Холмогорского и Важского» [Шереметевский: 40].

⁷ Екатерина Алексеевна, согласно сохранившимся сведениям, была провозглашена царицей значительно раньше. 7 марта 1711 г. в «Походном журнале» Петра I указано: «Его Царское Величество с Москвы свой путь изволил восприять в Польшу и поехал из Преображенского. В то же самое время публично объявлено всем о Государыне Царице Екатерине Алексеевне, что Она есть истинная Государыня» [Походный журнал 1711: 4].

1713 г. у Петра и Екатерины родилась дочь Наталья, 8 сентября 1714 г. — Маргарита. Если бы икона была написана в декабре 1713 г., на ней должна была быть изображена царевна Наталья, а в декабре 1714 г. уже обе младшие царевны. В 1715 г. Наталья и Маргарита умирают: 27 мая — Наталья, 27 июня — Маргарита. Но через четыре месяца, 27 октября 1715 г. — родился царевич Петр Петрович (умер 25 апреля 1719 г.). Следовательно, если бы икона была написана в декабре 1715–1719 гг., на ней был бы уже и маленький царевич. И, конечно же, икона была написана до побега царевича Алексея, до осени 1717 г. То есть последний декабрь, когда у Екатерины было только двое детей, а царевич Алексей еще был полноправным членом царской семьи и наследником престола, — это декабрь 1712-го года. Следовательно, верхняя хронологическая граница — декабрь 1712 г., и нижняя хронологическая граница — взятие Ревеля в 1710 г.

Создание иконы именно в Ревеле и в дар Никольскому храму должно было быть связано с каким-то знаменательным для храма событием. Как правило, поводом для создания «царской» иконы как вклада в храм (или монастырь) было посещение его царской семьей. Но в 1710-м и 1712-м годах Петр не приезжал в Ревель ни один, ни с Екатериной: в 1710-м в Ревеле еще продолжалась эпидемия чумы, а в 1712-м Петр из Петербурга отправился за границу, но ехал он напрямик через Нарву, Дерпт на Ригу, не заезжая в Ревель; до конца года Петр в Россию не возвращался, он прибыл в Петербург только 22 мая 1713 г. А вот в декабре 1711 г. Петр вместе с Екатериной, Меншиковым и большой свитой провел здесь две недели. Это был его первый приезд в недавно завоеванный город. Именно в декабре 1711 г. и должна была быть написана икона.

1711-й год был для царя одним из самых трудных на протяжении всей Северной войны, сопоставимым разве что с 1700-м годом, когда русская армия была разгромлена Карлом XII под Нарвой. Начало года было ознаменовано разрывом мирного договора с Портой, и Петру предстояло теперь вести войну на два фронта. Весной он тяжело заболел. О том,

насколько серьезно был болен Петр, свидетельствует его письмо А. Д. Меншикову от 9 апреля:

Зело был болен скорбью такою, какой болезни отроду мне не бывало, ибо две недели с жестокими палаксизмами была <болезнь. — Е. П., М. С.>, ис которых один полторы сутки держал, где весьма жить отчаялся, понеже как вунзул был в диофрагме, но потом великими потоми и уриною <...>, слава Богу, свободился и учусь ходить. Господь Бог да устроит по своей ему воли, толко ежели другой год також буду, то чаю, что глупой буду богослов, понеже жива себя погребу [ПБПВ XI-1: 167].

Лето принесло неудачный Прутский поход, когда вся армия и сам царь чудом избежали гибели или позорного плена; тяжелыми были и условия нового мирного договора с Портой, особенно же — потеря Азова, первой военной победы царя. Состояние царя очень выразительно рисует его письмо к П. П. Шафирову 14 июля:

Пожалуй, не подивуй, что я вчерась не пространно к вам писал, ибо в сию всю неделю еще первую нынешнюю ночь свободную получили сном. <...> Також не забудь при добром случае, чтоб по принятии Азова и протчем исполнении три карабля для такой нашей уступки <...> отдать нам <...>. О сем постарайся. Буде невозможно столько, хотя б два или один.

Какие именно три карабля имеет в виду Петр, мы не знаем. Туркам после неудачных переговоров достались четыре: «Предестинация» и «Ластка» (эти карабля были особенно дороги царю — они были построены его руками), а также шнявы «Мункер» и «Лизет» [ПБПВ XI-2: 9, 354–355]. Для Петра это была не только потеря любимых караблей, важна была, конечно же, и символика их названий: «Предестинация», или точнее «Гото Предестинация», носила девиз «Божье сему есть предвиденье», «Лизет» была названа в честь дочери Петра, а «Мункер» («Сердце мое») — Екатерины⁸.

⁸ Шнява «Мункер» Азовского флота была уже второй, первая шнява под таким названием была построена при участии самого Петра в 1704 г. на Олонецкой верфи. Петр привел ее в Санкт-Петербург 18 октября, после празднования годовщины взятия Шлисс-

Тогда же, когда Петр составлял реляции о Прутском походе и шли непростые переговоры о мире, серьезно заболел А. Д. Меншиков. Светлейший князь был при смерти несколько дней, о чем и доносил государю в письме от 31 июля:

Доношу вашей милости о моей болезни, которая на прошлой неделе мне случилась, а имянно, такая ж, какая в прошлом году была, но гораздо той не в пример, понеже в полторы сутки здесять фунтов крови ртом вышло. И шла та кровь все рвотою. И ужедохтуры весма живот мой отчаяли и не знали, каким лекарством болши ползовать: но, пачи чаяния, всемогущий Бог вашими молитвами от ожидаемой кончины избавить мя изволил [ПБПВ XI-1: 561].

С наступлением осени все постепенно начинает устраиваться к лучшему. 28 сентября Петр поздравляет Меншикова с победой у Лесной: «Поздравляю вашей милости сим днем, *начатием всего нашего добра*, и для того лишнюю рюмку выпили на память дня сего и про ваше здоровье» [ПБПВ XI-2: 154]. Такая отсылка к битве при Лесной показывает перелом в настроении царя: эти слова, конечно же, относятся к событиям 1708 г., но ранее Петр не говорил о Лесной в таких именно выражениях, теперь же он явно размышляет о превратностях судьбы, и слова о «начатии добра» относятся и к выздоровлению царского любимца, и к возвращению его собственного государева счастья. Показательно, что в декабре 1711 г. в письме Петра Дарье Михайловне Меншиковой находим близкое выражение — «все добро поводитца» [Там же: 302].

Прямо с Прута, не заезжая в Москву и Петербург, Петр отправился на воды в Карлсбад, откуда вел переговоры о времени и месте бракосочетания царевича Алексея Петровича. На время Карлсбад становится местом пребывания русского двора. Там собираются русские представители при иностранных дворах, а также посланники Цесарского двора, Пруссии, Англии, Саксонии. Царь ни до, ни после 1711 г. не путешествовал с такой представительной свитой. Витворт сравнил настроение

сельбурга (эту годовщину Петр всегда связывал с началом своего «авантажу» с Екатериной [Погосян: 97–98]).

при русском дворе в это время с «перемежающейся лихорадкой» [Донесения: 177], но болезнь, несомненно, была заразной, и европейские дипломаты с таким же «лихорадочным» интересом следили за любым жестом царя и собирали самые невероятные слухи о Прутском походе, переговорах с Турцией и будущем Лифляндии. Петр прибыл в Карлсбад 13 сентября и оставался там до 3 октября, когда выехал в Торгау на свадьбу сына. Бракосочетание Алексея Петровича состоялось 14 октября. 27-го Петр встретился с Екатериной в Таруни, откуда отправился по воде в Эльбинг и в Ригу.

«Царь ехал к Риге гораздо торопливее, чем можно было ожидать», «в нетерпении осмотреть достопримечательности, положение и укрепления этого новоприобретенного города»; он также хотел «побывать в Ревеле», — доносил английский посланник [Там же: 106, 108]. 18 ноября Петр приехал в Ригу, а 21-го туда прибыл Меншиков. До самой встречи Петр продолжает беспокоиться о состоянии здоровья своего светлейшего князя. 3 ноября царь решает, что удовольствие видеть Меншикова не стоит риска, и настаивает на том, чтобы князь оставался в Петербурге: «Дай Боже, вас здоровых видеть, для чего прошу тебя Богом: не ездь встречу ко мне, не испортишь себя после такой жестокой болезни, но дождись в Питербурхе». И уже накануне встречи 20–21 ноября просит Меншикова: «Зело б хорошо, чтоб вы были сюды, аднако ж, для Бога бережно в дороге себя держите, дабы сим худым воздухом вам не повредитца» [ПБПВ XI-2: 232, 257]. То есть Петр, по видимому, не знает, что Меншиков уже подъезжает к Риге — тот определенно хотел сделать сюрприз царю и явиться в Риге неожиданно.

В Риге царь оставался до 7 декабря, а 13-го уже прибыл в Ревель и провел там две недели, 27-го декабря он выехал в Петербург [Походный журнал 1711: 29–41]. Из переписки царя видно, что он не планировал задерживаться в Ревеле так долго: праздник Рождества он хотел встречать в Петербурге, но помешала погода. 15 декабря царь извещал Дарью Михайловну Меншикову, супругу князя, которая со дня на день должна была родить: «Слава Богу, все добро поводитца, и же-

лали б к празднику быть, толко для распутицы ехать не можем <...> для чего просим учинить из двух одно: или родить погоды, или снех нам вымолите скорая» [ПБПВ XI-2: 302]. Снег Дарья Михайловна вымолила только в самом конце декабря⁹. О пребывании Петра в Ревеле мы знаем совсем немного. Известно только, что на Рождество Петр был с Меншиковым на службе в лютеранской церкви Нигулисте, 25 декабря с Екатериной Алексеевной обедал в доме Рыцарства, а 26-го — у бургомистра. В этот последний день пребывания в Ревеле Петр успел еще посетить братство Черноголовых и свадьбу одного горожанина [Kuuskemaa: 13–14; Исаков, Шор: 190]. Из Ревеля Меншиков писал супруге и благодарил «за презент, то есть за присылку табакерок, которые зело приятно я принял, тако ж и за икру» [Павленко: 298]. Табакерки были присланы, конечно же, к именинам князя и кавалерскому дню — празднику ордена св. Андрея Первозванного (которые Петр с Меншиковым отпраздновали в Риге, так же, как и именины Екатерины). А вот икрой они с царем, по-видимому, лакомились в Ревеле.

Ранее, проезжая через Ливонию, Петр пожаловал здесь «прекрасные поместья» Шереметеву и Ренну. «Опасаются также, — писал Витворт, — что многие из здешних церквей будут отняты у лютеран и приноровлены к потребностям греко-восточного вероисповедания, что подтверждает мои предположения о нежелании Петра делиться Ливониею с Польшей» [Донесения: 118]. Витворт не ошибался: Петр действительно не стал делиться с Польшей вновь приобретенными территориями. Не ошибся Витворт и в отношении «приноровления» храмов: в январе 1716 г. храм св. Михаила в Ревеле был переделан для православного богослужения, поскольку русский гарнизон в городе рос, и существовавшая в городе с незапамятных времен православная Никольская церковь [Иконников: 3] уже не могла вместить всех. Новый храм был посвящен св. Федору Стратилату, первое православное богослуже-

⁹ 26 декабря она родила дочь Марию, будущую невесту императора Петра II.

ние прошло здесь 14 февраля того же года (в 1734 г. он стал Преображенским собором) [Kuuskemaa: 45].

В Никольской церкви к моменту взятия Ревеля располагался лазарет, по взятии же города в церкви, разумеется, было возобновлено богослужение [Иконников: 66–67; Никольская церковь: 46]. И хотя у нас нет на этот счет специальных свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что в декабре 1711 г. Петр посещал этот храм и, по всей вероятности, был здесь уже в день приезда. Конечно же, посещение Петром Ревеля и Никольской церкви символически «подтверждало» и обладание царя этим городом, и «восстановление» здесь храма и попорченного православия. Такое событие, несомненно, было достойно того, чтобы запечатлеть его в акте создания специальной иконы на случай. Эмблемы, помещенные в нижней части иконы, указывают на эти события: церковь, стоящая на кресте и камне, и два ключа апостола Петра, которые значат ключи царя Петра от вновь приобретенных городов — Ревеля и, по-видимому, Риги.

Вернемся к центральному изображению иконы: Христос в чаше, в которую льется кровь из его ран. По сторонам чаши помещены цитаты, взятые из рассказа Матфея о тайной вечере «Приидите и пиите кровь Мою» и «Приидите и ядите сие есть Тело Мое» (Мф. 26: 26–28). То есть на иконе изображен потир, чаша для освящения вина и причастия — «чаша спасения» (Пс. 115: 4). Потир воплощает и чашу страданий за грехи мира, являющуюся в евангельском молении о чаше («Отче Мой! Аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия» — Мф. 26: 39). Эта чаша является и в Евхаристической молитве, читаемой священником на Литургии: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за мнози изливаемая во оставление грехов». Ножкой-стояном чаши на иконе Никольской церкви служит Российский герб: двуглавый орел под тремя коронами, причем между двумя шеями орла, увенчанными головами, находится третья, на ней помещена большая корона, и сверху покоится чаша. В правой лапе орла — традиционные меч и скипетр, в левой — держава. На его груди вместо щита помещено сердце, а в сердце — всадник в рим-

ском одеянии с копьем, который поражает льва. Над поверженным зубастым львом, лежащим на спине, написано «лев», над всадником — «Царь Петр». Слева от Петра — слова: «Да утвердися сердце мое в воли Твоей, Христе Боже». Эти слова ирмоса, будучи помещены рядом с изображением Петра I, отсылают и к библейскому «Сердце царево в руце Божией» (Притч. 21: 1).

В начале 1711 г., еще до начала Прутского похода, в грамоте черногорскому народу и христианским народам, подвластным Турции, Петр говорит о своем «кавалерском сердце»:

И сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возмогши нам противу неприятеля-басурмана с воинством наступати, <...> на которую войну полагаем крайние наши таланты и с любезноверными и искусными нашими войсками *самоперсонне* против неприятеля онаго выступаем, ибо *всем добрым, чистым и кавалерским христианским сердцам* должно есть презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю *каплю крове* пролияти <...> ибо пришло указание от Бога и то, что я пишу вам, вы примите в единении с Богом <...> начнем войну, прославив царство наше, ибо ради освобождения вашего *я иду на муки* [ПБПВ XI-1: 117–118, 151–153].

Петр, как мы видим, уподобляет свое «кавалерское христианское сердце» сердцу Спасителя и, вслед за Спасителем, готов пролить кровь и принять муки, спасая православных от басурман.

Другая тема, которая постоянно появляется в документах, связанных с Прутским походом, — тема пролития крови. В самый критический момент Прутской кампании в переписке с великим визирем о заключении мира Петр все время возвращается к этой теме: «ныне дошло уже до крайнего *кровопротития*», «Бог взыщет то *кровопротитие* на том, кто тому причина», «сие предлагаем, щадя человеческого *кровопротития*» [Там же: 571]. Сообщая 15 июля в Сенат о Прутском походе, он писал:

Господа Сенат! Хотя я николи б хотел к вам писать о такой материи, о которой ныне принужден есмь: однако ж понеже так воля Божия благоволила (и грехи Христианские не допустили). Ибо

мы, в 8-е сего месяца, с Турками сошлись, и с самага того дня даже до 10 числа до полудня, в превеликом огне не точию день, но и ночи были, и правда никогда, как я почал служить, в такой десперации не были <...> И потом, когда оным зело надокучил *наш трактамент*, а нам вышереченное, то в вышереченный день учинено штиль-штанд, и потом сгодились и на совершенный мир <...> и тако *тот смертный пир* сим окончался [ПБПВ XI-2: 16]¹⁰.

Тогда же Петр писал про «трактамент» и «смертный пир» Апраксину и Меншикову [Там же: 12, 15]. Пролитие крови, угощение и смертный пир связывают здесь спасение с темой причастия.

Концепция, в рамках которой царь воюющий был представлен как царь, идущий на муки, впервые была специально разработана и отнесена к Петру Алексеевичу в предисловии к книге архиепископа Черниговского преподобного Иоанна Максимовича «Царский путь креста Господня» (декабрь 1709 г.). В основу этого издания положен перевод книги Бенедикта Хефтена «Regia via crucis» (1635). Иоанн Максимович приложил к своему переводу пространное панегирическое обращение к царю, а также стихотворное предисловие, адресованное читателю. Свою книгу Иоанн Максимович посвятил посещению царем Малороссии и «града Чернигова». И, конечно, книга, напечатанная в 1709 г., не могла обойти молчанием недавнюю победу под Полтавой. В самом начале своего панегирика Иоанн сравнивает приезд Петра в Малороссию с приходом Иисуса Христа на землю для того, чтобы спасти человечество и победить «Седмоглавного врага». «Сердце Ваше Монаршее, — пишет Иоанн, — Дом себе предостойный

¹⁰ Последние слова о пире не показались уместными составителям «Ведомостей» и в реляцию включены не были [Ведомости: 4], что понятно: реляция была вовсе не о «смертном пире», а «Об одержанной победе над Турками» [Доклады и приговоры: 294]. Письмо царя было прочитано «в Москве в соборе 31 июля», за чтением последовал благодарственный молебен [ПБПВ XI-2: 360]. Попали ли слова царя в тот текст, который был прочитан в Успенском соборе, неизвестно.

седмочисленном Духа пресвятого исполняя благодатию, возбуди Ваше Царское Пресветлое Величество отечество Свое Малороссийское Лицем Монаршим превысочайшим аки божественным посетити». И этот приход Петра для борьбы с Карлом XII Иоанн и описывает как «Царский путь креста Господня»: «Под Именем Вашим Царским книгу Царскаго пути явих миру» [Царский путь]. В этом контексте трактовка Полтавской победы разительно отличается от остальной панегирической продукции 1709 г. Так, например, Феофан Прокопович говорит, в первую очередь, о действии Божественного промысла и личном мужестве царя [Сморжевских-Смирнова: 899–911]. Иоанн Максимович смотрит на победу совсем с другой стороны. Конечно, и у него «неукратимый Лев» бежит от Петра, и Максимович неизменно возвращается именно к теме бегства. Так, например, он пишет, что Карл вошел в царскую державу одним путем, а бежит он «тысящию путей безвестни, кровию отторжения ноги своя назнаменуя следы»¹¹, ведомый «блудящим Мазепинским зодием». Бегство Льва, оставляющего за собой кровавые следы, противопоставлено тому пути страдания, который выбирает царь:

Царское Пресветлое Величество <...> хотя душу свою положить за овца своя, подобяся древным благочестивым Царем. Сам в своем предостойнем Лице благоволил изыйти на брань противу супостата прегордаго, аки Давид на Голиафа, сам преизбранную Кавалерию, и Инфантерию свою, и вся воя, обходя полки, наставляя, и укрепляя, прежние победы им преславные воспоминая, мужество и храбрость похвалами венчая, Отечество, Благочестие, Церкви святые представляя, глаголя: дерзайте, не бойтесь: Аз на раны готов за отечество и церковь святую, Аз на раны готов за Благочестие и веру Православную, Аз на раны готов за честь и

¹¹ Концепция «крови отторжения» крайне важна для панегириков Стефана Яворского, посвященных петровским победам. Эта тема будет специально рассмотрена в работе М. Сморжевских-Смирновой, которая сейчас готовится к печати.

славу божию: Аз готов душу мою положить за овца моя и тысящию умрети [Царский путь]¹².

Путь Петра — путь самопожертвования и добровольно принятого страдания, и Петр, именно потому, что он готов нести свой крест, несет и «победительное знамение» [Там же]. Особую важность в книге Иоанна приобретает тема царского сердца. Посвящение царю занимает в книге десять страниц, и сердце появляется здесь около двадцати раз. Максимович, как мы уже видели, говорит о царском сердце как доме, куда вселился «Дух пресвятой», о том, что сердце царя «в Руце Божии», а также о «мужественном» и «укрепленном», «христианском» и «богоугодном сердце» царя, о «печати» в его сердце. Наконец, он говорит о сердце подданных, которые пребывают в «веселии сердца» и восклицают от радости «сердцем и устами».

Обе темы — и тема крестного пути, и тема страдающего царского сердца, — определены тематикой книги, которую Максимович переводит. По-видимому, он начал переводить ее еще до Полтавы, и потом уже приспособил к торжественному случаю. В переводной части книги в 36-ти эмблемах и в пространных подписях к ним подробно говорится о крестном пути всякого человека. Так, на эмблеме, открывающей вторую главу [Там же: 4], изображена Голгофа с крестом на вершине. Этот крест венчают корона и терновый венец, а тропинка, которая ведет на вершину горы, буквально выложена крестами самой разнообразной формы. Сверху же, с растворившихся небес, протягивают свои кресты святые угодники. Сердце как эмблема в книге также играет важное значение: здесь, например, появляется горящее сердце, из которого вырывается навстречу Спасителю сноп пламени, или сердце, которое человек подносит Спасителю в благодарность за данный ему крест. Наиболее же отчетливо главная идея книги представлена на

¹² Этот эпизод из книги Иоанна Максимовича интересен еще и потому, что здесь дан пересказ «апокрифической», как ее часто называют, речи Петра, обращенной к воинам перед Полтавской битвой «А о Петре ведайте, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия» [ПБПВ IX-1: 226].

эмблеме, где на кресте поверх распятого уже Иисуса Христа распят человек, и на плече сораспятого отдыхает голова Спасителя. Надпись гласит: «Распяту сораспятися подобает». Такое сораспятие связано в книге и с пролитием крови, и с кровавым причастием. В стихотворении, которое завершает вторую часть перевода, это выражено наиболее рельефно: здесь говорится про «кровавый пот», который «дождем» изливается в потир, о «багряной реке», которая омывает лицо сораспявшегося Христу, и о том, что всякий должен «Крови Господни вместо вина наслаждаться» [Царский путь: 10, 114, 132, 137]. Максимович, как мы видим, искусно оборачивает тематику христианской дидактической эмблематы в панегирик. Мы не знаем, как отнесся Петр к такой трактовке Полтавской победы. Вполне возможно, что панегирик Максимовича в 1709 г. затерялся среди многократных торжеств и многочисленных сочинений, посвященных победе. Но в 1711 г. основные темы этого панегирика, как мы видели из приведенных выше документов, оказались актуальными для царя.

В начале 1711 г. на место прежнего митрополита Тобольского и Сибирского Филофея Лещинского, который из-за расстроенного здоровья должен был оставить кафедру, царь выбрал Иоанна Максимовича. Максимович приехал в Москву и, конечно, встречался с царем. По-видимому, именно тогда Максимович напомнил Петру о своем сочинении, или даже впервые получил возможность поднести его царю. 11 марта 1711 г., через несколько дней после отъезда царя к армии, Иоанн был возведен в Москве в сан митрополита. И именно с этого времени в письмах Петра можно различить отголоски книги Максимовича: Петр пишет о предпринятом им походе как о добровольной жертве, о том, что он «идет на муки», о своем телесном, физическом присутствии на тех территориях, за которые ему предстоит борьба, и о своем «христианском сердце».

Эта концепция получила отражение и в иконе Никольской церкви. Здесь справа от Петра-всадника помещены, кроме уже указанных, еще две цитаты из Псалтыри. Сверху: «Врагу оскудеша оружие в конец, <и> грады разруши <л еси>: погипе память <его с> шумо<м>» (Пс. 9: 7). На иконе эта отсылка к

событиям библейской истории обретает буквальное значение: под «градами» следует понимать реальные города, взятые русскими войсками, и Ревель — один из них; это напоминание об успехах русского оружия в Прибалтике. Чуть ниже помещена другая цитата: «Яко аз на раны готов» (Пс. 37, 18). В 37-м псалме далее следуют слова «и болезнь моя предо мною есть выну». Афанасий Великий указывает, что «Давид воспевает этот псалом, приводя себе на память тяготящее его бедствие, которому он подвергся за грех. Также просит о себе Бога — даровать ему субботство, т.е. упокоение от несчастий», а в 18-м стихе Давид «исповедует, что с готовностью приемлет наказание, обращающее на добрый путь» [Афанасий Великий: 131, 134]. Эта отсылка должна была напоминать о всех несчастиях 1711-го года, а также о болезни как самого Петра, так и князя Меншикова. И икона является, конечно, молением не только о «субботстве, т.е. упокоении от несчастий», но и о причастии и будущем воскресении, которые и изображены на иконе.

Псаломские слова «Яко аз на раны готов», которые мы уже встречали у Иоанна Максимовича в пересказе речи царя перед Полтавским сражением, связывают икону с еще одним событием в жизни Петра I. 15 мая 1682 г. начался стрелецкий бунт. А. А. Матвеев в своем «Описании с совершенным испытанием и подлинным известием о смутном времени» рассказывает о выдаче стрельцам дяди царя Петра Ивана Кирилловича Нарышкина:

Месяца мая в 15 день Она, государыня царица, свышестественной по крови крепости, великодушно принуждена была идти вместе с нею, царевною, в церковь, именуемую Нерукотворенного образа <...> где чрезмерное множество тех стрельцов стояло. И того ж времени был приведен в ту же церковь он, господин Нарышкин, брат царицын, который всеми таинствами покаяния Святых Пречистых тайн и освященным елеопомазанием к смертному своему пути предуготовил себя. <...> Он, готовый во всем чистою совестью к страдальческой и невинной кончине своей, дерзновенно последуя псаломски представил себя: «Яко аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну», нетрепетно, но великодушно и крепко ей с должным повинованием доносил: «Государыня царевна, воистину не бояся на смерть свою иду, токмо

усердно желаю, чтоб моею невинною кровию все те бывшие кровопролития до конца прекратилися». <...> какое тогда острое оружие и нестерпимые болезни пронзили зело многоскорбное сердце ее величества государыни царицы [Матвеев: 384].

События мая 1682 г. были, конечно же, памятни Петру: девятилетний царь присутствовал при выдаче Нарышкина, тело его дяди стрельцы выставили напротив дворца.

Вся чаша целиком помещена на иконе в небольшой восьмиугольный бассейн красного цвета (как бы увиденный сверху), а на самой чаше помещены три херувима, которые, как маскароны на фонтане, испускают струи воды и крови (особенно отчетливо видны отдельные черные струи воды и красные струи крови, истекающие из раны от копья), то есть растворенное вино причастия. Это подтверждает и надпись, расположенная слева от орла, внутри бассейна: «Источник живота вечна пия не умре во веки» («И аже пьет от воды, юже Азь дамъ ему, не вжаждетъ во веки; но вода, юже Азь дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущая в животъ вечный» — Иоан. 4: 14). Бассейн, в котором стоит чаша, наполовину заполнен темно-синей водой, и на воде надпись «море», а в море помещены изображения трех корабликов: два из них побольше, а один — совсем маленький. Это, по-видимому, корабли Азовского флота, о которых писал Петр («три карабля для такой нашей уступки») и которые достались туркам. Струи крови и воды, истекающие из фонтана, иконописец прописал очень скрупулезно. Левая и правая из них сначала попадают точно в клюв двум державным орлам, а потом проливаются в море, окропляя корабли. Центральная струя «вливается» в большую корону и снова изливается уже из груди орла над самой головой царя, и окропляет его самого и его коня (на лице «Царя Петра» и на крупе его белого коня отчетливо видны струи крови). Кроме того, из тела орла кровь проливается на корабли еще и через стигматы, которые отчетливо видны на лапах орла (можно полагать, что и на груди орла, в том месте, где из нее изливается кровь, должна быть рана, но ее не видно).

У бассейна, в который льется кровь, изображен олень (рядом с ним подпись «елень»), он прибежал к фонтану и уже напился из «Источника живота вечного» — на его морде и передних ногах явственно видны следы крови. К этой эмблеме имеют прямое отношение слова из развернутой книги, которую держит в руках апостол Петр: «Якоже желает елень на источники водныя, такоже душа моя к тебе бых крепкому живому» (надпись составлена из двух стихов 41-го псалма: «Имже образом желает елень на источники водныя, сие же желает душа моя к Тебе Боже; возжада душа моя к Богу крепкому живому» (Пс. 41: 2–3). Именно так, следуя псалмопевцу, который находится в изгнании, в пустыне и скорбит о невозможности посещать храм Божий, традиционно уподобляют стремление души к Богу [Допухин: 217]. Но на нашей иконе, помимо общеизвестного значения, эти псаломские строки, возможно, обретают и другой смысл: олень, устремляющийся к источнику, напоминает о безводице во время Прутского похода, то есть о жажде в буквальном смысле. Жажда и отсутствие воды — тема, которая постоянно звучит в прутских письмах и реляциях Петра: «трудились, чтоб марш свой обратить в правую сторону к Сырете, но великих ради гор и безводицы не могли того учинить»; «и где мы имели станы, и где есть воды, и где нет, или и есть зело вредительны, как сущая отрава»; «неприятель и за рекою Прутом на горе имел батареи ж и людей множество, с которых по нашим войскам стрелял и воду из реки брать мешал» [ПБПВ XI-2: 33; XI-1: 303, 570].

Для того чтобы восстановить историю интересующей нас иконы, важно и другое: орел с сердцем на груди был частью герба Меншикова [Александр Данилович Меншиков: 62]. Подробное описание герба включено в Жалованную грамоту А. Д. Меншикову на достоинство князя Ижерского: царь подписал ее в 1707 г., и тогда же она была опубликована. Этой грамотой царь ставил Меншикова «над привращенными нашими войною наследственными провинциями Ингриею и Корелиею, купно со Эстляндиею <...> Генеральным Губернатором». Согласно грамоте, на гербе в центре помещен орел, и на груди его «щитец средний» — «вложив грудному щитцу серд-

це коронованное родовой фамилии его, герб верных служб нашему царскому величеству <...> поныне учиненных память и впредь учинится имущих, *сердца готовность* знаменуются» [Устрялов: IV-2, 140, 142]. Видимо, именно на свой герб намекает Меншиков, и когда пишет Петру 30 мая 1711 г., в день рождения царя (Петр уже находится в походе против турок):

При сем поздравляю вашу милость нынешним торжественным днем рождения вашего. А понеже уповаю, что сей куриер может приехать к вам к тезоименитству вашему дни, того ради поздравляю вашу милость и оным вашим тезоименитством, желая от всего *моего верного сердца*, дабы сподобил Бог вас и нас всех одной день с такою радостью и с подобным благополучием торжествовать, как и в 709 году, что дай всемилостивый Боже [ПБПВ XI-1: 488].

Возможно, что сердце в гербе Меншикова связано с тем нежным обращением, которое использует царь в своих письмах к «Алексаше» — «Мейн герценкин» («Мое сердечко») [ПБПВ I: 331]¹³. На иконе, таким образом, изображен орел с сердцем на груди, взятый из княжеского герба Меншикова. В это сердце помещен Петр-всадник, то есть в сердце Меншикова оказывается царь, — эмблема на иконе знаменует любовь Меншикова к государю и его «сердца готовность». То есть это и сердце царя, и сердце его подданного, а слова «Да утвердися сердце мое в воли Твоей, Христе Боже» относятся и к Петру (сердце царя в воле Божией), и к Меншикову (сердце подданного также в воле Божией, но оно и в воле царицы). Помещенный на иконе герб Меншикова позволяет с уверенностью говорить о том, что заказчиком иконы был именно светлейший князь. Это подтверждается и тем, что среди святых мучениц, помещенных на иконе, есть три, которые являются святыми покровительницами членов семьи Меншикова — двух его сестер (Марии и Татьяны¹⁴), а также свояченицы, сестры его же-

¹³ Голландская приписка к этому письму, согласно переводу Устрялова, начинается словами «Моей души дитя» [Устрялов: III, 448].

¹⁴ «Сестер, — пишет Н. И. Павленко, — у светлейшего было не две, как ранее полагали, а три: Анна, Мария и Татьяна» [Павленко:

ны Варвары Михайловны Арсеньевой, которая жила вместе с семейством князя и которую Меншиков называл в письмах «Варварушкой Михайловной». Все три женщины, по-видимому, путешествовали в свите Екатерины: 14 октября¹⁵ 1711 г. она писала Меншикову из Деммина, что пересылает ему письмо Дарьи Михайловны (как мы видели, Меншиков в это время уже на пути в Ригу, а беременная Дарья Михайловна — в Петербурге), и добавляла: «Еще доношу вашей светлости, что *домашние твои все* в добром здоровье также <...> вчерашняго дня <...> у них *обедали*» [Беспярых: 26]. Меншиков встречал Петра в Ревеле как губернатор Ингрии, под властью которого, как мы видели из его диплома, в отличие от Лифляндии с Ригой, была и Эстляндия. А потому именно в Ревеле как хозяин он подготовил прием монарху, и икона должна была быть частью этого приема. Конечно, она не могла быть написана за две недели пребывания Петра с Меншиковым в Ревеле в де-

300]. Анна выйдет в июле 1712 г. за А. М. Девиера, Мария была за А. Ф. Головиным, а Татьяна — за И. К. Пушкиным. Св. Марфа и св. Параскева, стоящие непосредственно за св. Екатериной, являются тезоименитыми святыми двух вдовствующих цариц — Марфы Матвеевны, супруги царя Федора Алексеевича (на иконе Симона Ушакова «Богоматерь Муромская с преподобной Марфой и Феодором Стратилатом, изображенными на полях», именно эта святая представляет царицу), и Прасковьи Федоровны, супруги царя Ивана Алексеевича (она родилась 12 октября и праздновала свое тезоименитство 28 октября, в день св. Параскевы Пятницы).

¹⁵ Ю. Н. Беспярых прочитал неразборчиво написанную дату на письме как «14 ноября» [Беспярых: 26]. Но письмо не могло быть написано в ноябре. Во-первых, Екатерина пишет, что «назначено будет место для свидания з Дацким королем»: свидание должно было состояться 22 октября (было отменено, Петр встречался только с министрами). Во-вторых, из письма видно, что Екатерине «печально», потому что она только еще ожидает свидания с царем: Петр встретился с ней 27 октября [Походный журнал 1711: 30]. Следовательно, письмо было написано не ранее 22 октября, а поскольку указание на день прочитывается довольно однозначно, это должно быть 14 октября.

кабре 1711 г. По всей видимости, программа ее была составлена еще в Петербурге, возможно, при участии секретаря светлейшего князя Иоанна Кременецкого¹⁶, и Меншиков послал изографа в Ревель заранее.

Важность для иконы темы крестных ран Спасителя подчеркивает и акrostих, спрятанный на нижнем поле иконы. Здесь воспроизведены шесть стихов (с 10-го по 14-й) из посвящения к «Арифметике» Леонтия Магницкого. Посвящение озаглавлено Магницким «Стихи на предлежащий герб». Герб, действительно, «предлежит» в книге стихам: стихи начинаются на правой стороне разворота, а на левой помещена гравюра, в верхней части которой изображен российский герб: орел со щитом на груди, со всадником в римском одеянии, поражающим дракона, под тремя коронами и прямым крестом, а под гербом на гравюре помещены Пифагор и Архимед в окружении математических инструментов. Посвящение Магницкого занимает 11 страниц и после рассуждения о гербе превращается в похвалу наукам и наставление учащимся арифметике. Стихотворение это известно своим замысловатым акrostихом, начало которого на первых девяти страницах читается: «НА ЧЕСТНЫЙ КРЕСТ НА ГОСУДАРЕВ ГЕРБ ДО ЛИЦА ЕГО ЦАРСКАГО ПРЕСВЕТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЦАРЯ И САМОДЕРЖЦА ПЕТРА АЛЕКСИЕВИЧА И ВСЕЯ РОССИИ» (далее акrostих обрывается или же переходит в тайнопись). На иконе помещены следующие стихи:

¹⁶ Об Иоанне Кременецком известно совсем немного. Мы знаем, что он учился в Московской духовной академии, жил в доме Меншикова, был его секретарем, а также служил в Петербургской типографии [Алексеева: 140]. Его перу принадлежит панегирическая книжечка «Лявреа или Венец безсмертныя славы» (СПб., 1714), посвященная Меншикову, и «Приветствие пресветлейшему и великодержавнейшему государю Петру Первому» (СПб., 1717). Вопрос о степени участия Иоанна Кременецкого в создании программы таллиннской иконы будет подробно рассмотрен в отдельной публикации.

Клейнот, сиречь герб хранит царский, иже имать царь христианский.
 Российский реку православный, и иных многих царств державный:
 Егоже крепость и держава, честный крест, купно же и слава.
 Сим бо державу утверждает, и враги своя побеждает.
 Темь и впредь врагов побеждати имать, а своих свобождати.
 Но и герб орел двоеглавный значит, яко есть православный

[Арифметика: 1–2].

Они выбраны так, чтобы акrostих (а первые буквы каждого стиха на иконе, как и у Магницкого, выделены киноварью) читался: «КРЕСТ Н», то есть, если прочитать последнюю букву, учитывая ее название (Н называли «наш»), то получится «Крест наш», таким образом акrostих еще раз подчеркивает главную тему иконы — «Аз на раны готов»¹⁷.

Слова эти, как мы видим, относятся не только к Петру и Меншикову, но и к государственному российскому орлу, то есть ко всей России в 1711 г. И, конечно, страдание, которое есть повторение крестной муки Христа, — это страдание, которое, как тайная вечеря, окажется одновременно «смертным пиром» и причастием, и приведет к излечению и воскресению и России, и Петра, и подданных царя. Именно таким пожеланием была икона, заказанная Меншиковым в честь посещения царем Ревеля в декабре 1711 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Александр Данилович Меншиков: Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Алексеева: *Алексеева М.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990.
- Арифметика: Арифметика Магницкого. Точное воспроизведение подлинника. С приложением статьи П. Баранова (биографические сведения о Магницком и историческое значение его Арифметики). М., 1914.

¹⁷ На кромке бассейна помещены еще два стиха из посвящения, но первые буквы стихов не выделены на иконе киноварью, и эти стихи не связаны с акrostихом.

- Афанасий Великий: Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиепископа Александрийского. Творения в четырех томах. Сергиев Посад, 1903. Ч. 4.
- Балашова: *Балашова Г.* Раскрыта тайна иконы «Литургия Господня» // Таллинн. 2007. № 2–3. С. 65–66.
- Беспярых: *Беспярых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2005.
- Ведомости: [Ведомости]. Реляция 24 августа. М., 1711. № 14.
- Доклады и приговоры: Доклады и приговоры составлявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. 1.
- Донесения: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 по 1719 г. // Сборник Императ. рус. историч. общества. СПб., 1888. Т. 61.
- Иконников: [Иконников М. Т.] Православная церковь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле. Ревель, 1889.
- Исаков, Шор: *Исаков С. Г., Шор Т.* Российские императоры и императрицы на эстонской земле // Таллинн. Альманах: литература, искусство, критика. Таллинн, 2005. С. 183–221.
- Кормашов: *Кормашов Н.* Воскрешение образа // Мир Православия. Таллинн, 2007. № 7. С. 8.
- Красилин 2001: *Красилин М. М.* Иконизация государственности // Рус. поздняя икона от XVII до нач. XX ст. / Ред.-сост.: М. М. Красилин. М., 2001. С. 50–54.
- Красилин 2002: *Красилин М. М.* Русская икона XVIII – нач. XX веков // История иконописи. М., 2002.
- Лопухин: *Лопухин А. П.* Толковая Библия, или комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1904. Т. 1; СПб., 1907. Т. 4.
- Матвеев: *Матвеев А. А.* Записки графа Андрея Артамоновича Матвеева // Рождение империи. М., 1997. С. 359–414.
- Маштафаров: *Маштафаров А. В.* Архангельский собор Московского Кремля. Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 493–494.
- Никольская церковь: Никольская церковь в Таллинне. Таллинн, 2002.
- Павленко: *Павленко Н. И.* Меншиков. Полудержавный властелин. М., 1999.
- ПБПВ: Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1; М., 1956. Т. 10; М., 1962. Т. 11. Вып. 1–2.
- Погосян 2001: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

- Погосян, Сморжевских-Смирнова: *Погосян Е., Сморжевских-Смирнова М.* Еще раз о тайне иконы «Литургия Господня» // Таллинн, 2009. № 1–2. С. 74–99.
- Попов: *Попов Н. А.* Материалы для истории Архангельской епархии // ЧОИДР. М., 1880. Кн. 2. Апрель–июнь. С. 1–35 (вторая пагинация).
- Походный Журнал 1711: Походный Журнал 1711 г. СПб., 1854.
- Преображенский: *Преображенский А. С.* Святой царевич Димитрий Иоаннович Угличский // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 133–146.
- Тарасов: *Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995.
- Сморжевских-Смирнова: *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология петровской эпохи // Лотмановский сборник 3. М., 2004. С. 899–911.
- Успенский А. И.: *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1910. Т. 2.
- Успенский Л. А.: *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной церкви. М., 2001.
- Устрялов: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3; СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2.
- Царский путь: Царский путь креста Господня, возводящий в живот вечный: трудом и иждивением <...> отца Иоанна Максимовича. [Чернигов], 1709.
- Шереметевский: *Шереметевский В.* Герман (в миру Григорий) Копцевич // Русский биографический словарь. СПб., 1916. Т. 5: «Герберский – Гогенлоэ». С. 39–40.
- Kuuskemaa: *Kuuskemaa, J. Peeter I ja Katariina I Tallinnas.* Tallinn, 2004.